

— Кхе... С Ицзюэ всё в порядке, просто он плохо спал прошлой ночью, поэтому выглядит немного вялым, — Гу Ицзюэ послушно ответил. — Отец, как вы думаете, почему принц-регент оказался на нашем семейном манеже и почему он так вовремя появился, чтобы спасти меня?

Услышав эти слова, лицо Гу Циншаня стало серьёзным. Он понял, что имел в виду сын, но, подумав мгновение, улыбнулся своему младшему сыну, нахмутившему брови:

— Ицзюэ, тебе не стоит волноваться. Принц-регент увидел, что ситуация была критической, и решил помочь. Это было доброе дело, и тебе не нужно слишком заикливаться на этом.

Гу Ицзюэ с недоумением посмотрел на отца, и Гу Циншань продолжил:

— Когда наследный принц ещё не утонул, я однажды спас его во дворце. Принц-регент тогда пообещал, что пока он жив, он будет защищать всю семью Гу. Поэтому тебе не нужно слишком беспокоиться. К тому же принц-регент любит лошадей, возможно, он просто пришёл на манеж, чтобы купить их.

Гу Ицзюэ понял, что между принцем-регентом и их семьёй была такая связь.

— Если, как вы говорите, принц-регент не является жестоким человеком, то почему я слышал слухи, что он убивает без сожаления и страдает безумием? Говорят, что если кто-то окажется рядом с ним во время приступа, то не проживёт и трёх вдохов... Отец, вы знаете, в чём причина?

Гу Циншань вздохнул:

— Раньше у принца-регента был совсем другой характер. Тогда он был полон энтузиазма, в тринадцать лет стал принцем-регентом и наставником наследного принца. Он очень заботился о наследном принце, учил его всему лично. Но кто мог подумать, что через два года наследный принц неожиданно утонет, а сестра принца-регента, наложница Лань, пытаясь спасти его, тоже погибнет. Наследному принцу было всего девять лет. После этого у принца-регента началось безумие...

Гу Ицзюэ, сам не зная почему, почувствовал, как сердце сжалось от боли. Ему стало очень тяжело, и он заметил, что его лицо уже мокро от слёз.

— У принца-регента была такая трагедия... Наследный принц действительно был достоин сожаления...

— Но... я знаю ещё кое-что. Ты слышал о том, что двадцать лет назад семья Шаньюнь была казнена? — Гу Циншань подошёл к Гу Ицзюэ и сел рядом.

— Слышал лишь обрывки слухов. Тогда семью Шаньюнь обвинили в заговоре и казнили всех... Шаньюнь Чэнь! Принц-регент — из семьи Шаньюнь?! — Гу Ицзюэ был поражён.

— Верно! Тогда наложница Лань уже была замужем, но император, чтобы заполучить её, приказал казнить всю семью Шаньюнь! — Гу Циншань, говоря это, сжал кулаки.

— Если так, то принц-регент так усердно учил наследного принца, а наложница Лань пожертвовала собой ради него... Это действительно преданность, — в глазах Гу Ицзюэ появилось восхищение, а в глубине души зародилась жалость, которую он сам не осознавал.

— Ну... ладно... Уже почти полдень, пора идти обедать, — Гу Циншань похлопал сына по спине,

и они вместе вышли из комнаты.

.....

После обеда Гу Ицзюэ сидел в кабинете, вспоминая Шаньюнь Чэня, и все прежнее напряжение и страх исчезли. Когда страх ушел, воспоминания о вчерашнем взаимодействии с Шаньюнь Чэнем заполнили его разум, и его лицо покрылось румянцем. Затем он вспомнил, что тот сказал, что придёт за ним в седьмом часу, и в его сердце почему-то появилось чувство ожидания...

Возможно, его мнение о Шаньюнь Чэне изменилось, и поэтому он чувствовал себя иначе.

Разобравшись с этим, он перестал волноваться. Увидев, что на улице светит солнце, он попросил Лю-эра принести шезлонг и, устроившись на нём, закрыл глаза. Солнце было приятным, а после вчерашнего недосыпа он быстро расслабился и вскоре заснул.

Лю-эр, увидев, что молодой господин уснул, принёс толстое одеяло и укрыл его. Обычно не страшно, если кто-то засыпает на солнце, но его господин был слаб здоровьем, и он должен был заботиться о нём.

Солнце согревало, и Лю-эр тоже медленно закрыл глаза, прислонившись к столбу. Так они проспали почти до седьмого часа...

Когда Шаньюнь Чэнь вошёл во двор и увидел Гу Ицзюэ, лежащего на шезлонге, солнце уже почти садилось. Если бы он оставался на улице, то мог бы простудиться.

Он быстро подошёл, поднял Гу Ицзюэ вместе с одеялом и, взлетев, направился в резиденцию принца-регента.

В резиденции он осторожно положил своего любимого на кровать, а сам сел за письменный стол, взял кисть и бумагу и начал рисовать...

Его взгляд, полный любви, был направлен на спящего, и он тщательно выводил линии... Человек на кровати, почувствовав этот горячий взгляд, постепенно открыл глаза и встретился взглядом с Шаньюнь Чэнем. Взгляды их сплелись, как нити лотоса, и они смотрели друг на друга...

Шаньюнь Чэнь первым нарушил молчание, положив кисть и опершись головой на руку:

— Проснулся? Голоден?

Гу Ицзюэ огляделся и понял, что он не в доме маркиза. Судя по обстановке, он в резиденции принца-регента. Он встал, поправил одежду и мягко сказал:

— Ицзюэ извиняется за свою неучтивость. Я обещал угостить вас обедом, но вместо этого вы сами меня накормили.

Шаньюнь Чэнь махнул рукой, и в комнату вошли слуги с горячими блюдами, которые они расставили на столе.

— Тогда могу ли я попросить вас об одной маленькой услуге? — с улыбкой спросил он.

Гу Ицзюэ удивленно посмотрел:

— Что вы имеете в виду?

Шаньюнь Чэнь встал, подошёл к Гу Ицзюэ, взял его за руку и подвёл к ближайшему стулу. Осторожно усадив его, он наклонился к его уху, и его чарующий голос снова зазвучал:

— Могу ли я попросить вас приготовить для меня блюдо?

Гу Ицзюэ почувствовал, как его тело пронзила электрическая волна. Он сжал одежду на коленях, стараясь не выдать своих чувств, но знал, что на руках у него появились мурашки. Его лицо покраснело, и он ответил:

— За спасение жизни я должен отплатить сполна.

Шаньюнь Чэнь улыбнулся, сел рядом, взял палочки и положил ему еду в тарелку:

— Ешь побольше, ты слишком худой.

Гу Ицзюэ, следуя этикету, тоже положил еду в тарелку Шаньюнь Чэня.

Они спокойно ели, но слуги, стоявшие рядом, были в шоке.

«Что это?! Принц-регент сам кладёт еду кому-то и смотрит на него с такой нежностью!»

«И самое главное! Молодой господин Гу использовал свои палочки, чтобы положить еду принцу-регенту!»

Слуги не могли скрыть своего удивления... Гу Ицзюэ, подняв голову, увидел их выражения и понял. Зная о прошлом Шаньюнь Чэня, они, вероятно, не ожидали, что у принца-регента может быть такая мягкая сторона.

После ужина Гу Ицзюэ зашёл в кабинет Шаньюнь Чэня и сразу же обратил внимание на картину. Человек на ней казался ему знакомым, хотя он был уверен, что никогда его не видел.

«Странно, почему я чувствую такую связь?»

Когда Шаньюнь Чэнь вошёл, он увидел, что Гу Ицзюэ застыл перед картиной. Подойдя к нему, он мягко коснулся картины, его глаза полны нежности:

— Это наследный принц, Чжоу Ицзюэ.

«Конечно, это ты.»

Гу Ицзюэ удивился, заметив, что наследный принц немного похож на него.

На картине ребёнок сидел на дереве, глядя белку, и смеялся.

Гу Ицзюэ мягко сказал:

— Наследный принц был таким жизнерадостным.

В глазах Шаньюнь Чэня мелькнула боль. Он повернулся и начал:

— Ты так внимательно смотрел, может...

Вдруг его тело содрогнулось от сильной боли. Он ухватился за край стола, стараясь

удержаться, лоб покрылся холодным потом...

Гу Ицзюэ никогда не видел Шаньюнь Чэня в таком состоянии и с тревогой спросил:

— Принц-регент?! У вас приступ?

Шаньюнь Чэнь, с холодным потом на лбу, бледный и тяжело дыша, кивнул:

— Уходи...

Минисцена:

Шаньюнь Чэнь:

— Ицзюэ, когда мы сможем быть вместе?

Гу Ицзюэ:

— Это зависит от маленьких хозяев (читателей), от их поддержки.

Шаньюнь Чэнь:

(смотрит с мольбой).

<http://bllate.org/book/16439/1490127>